

УДК 93(01)

5.6.2. Всеобщая история

Р.М. Мазаев

Санкт-Петербургский государственный университет

МЕТОДОЛОГИЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ М. БЛОКА

В статье содержится анализ воззрений М. Блока, одного из основателей «школы анналов», на методологию исторической науки. В первую очередь для этой цели используется его программная работа «Апология истории», в которой выражены основные идеи исследователя. Подчеркиваются аспекты, которые сформировали методологию первого поколения «школы анналов»: культуральная история, классический историзм и социальная история. Рассматриваются взгляды М. Блока как на общие вопросы: предмет и объект исторической науки, цели познания истории, так и на частные: особенности исторической терминологии и хронологии, метод критики источника и т.д.

М. Блок, «школа анналов», антропологический поворот, тотальная история, историография, «Апология истории».

Обращаясь к одному из наиболее значительных исторических трудов XX в. – «Апологии истории» М. Блока, мы намеренны первоначально дать краткую характеристику самой работы, которая требуется для лучшего понимания идей, высказанных в ней историком.

«Апология» была написана в 1941 г. в условиях военного времени, когда историк находился во французском городе Клермон-Ферране, пока еще не оккупированном немецкими войсками [17, с. 417–421]. Поистине, человеку, оказавшемуся в горниле мировой войны, требуется опора, которая должна поддержать его, каким-то образом дать возможность оградить сознание от тех ужасных событий, что ежесекундно разворачиваются перед его глазами. Для М. Блока одной из таких опор было его ремесло – историческая наука.

Название работы, очевидно, выбрано не случайно, она была предназначена для того, чтобы оправдать само существование науки истории, науки о человеке и человечестве в кровавом двадцатом веке. Времени, когда вера в наличие хоть какой-то осмысленности человеческих судеб была поколеблена страшными войнами и зверствами тоталитарных режимов, когда возможность познания истории оказалась под большим знаком вопроса [7, с. 93–106]. Также и вторая часть названия работы – «Ремесло историка» – связана с замыслом автора. М. Блок стремился рассмотреть методологию исторической науки. Это стремление связано с попыткой опровержения представлений о полной непознаваемости исторического процесса, а также с желанием наметить те проблемы и методы их решения, к которым, по мнению М. Блока, должны обратиться последующие поколения историков [12, с. 196–199, 204–207].

Условия написания работы диктовали то, что М. Блок не стремился к точным дефинициям, но давал, скорее, образное описание, изобилующие многочисленными историческими примерами [2, с. 115–122].

Так, говоря о том, что такое историческая наука, М. Блок указывает, что история есть научная дисциплина, изучающая человека. Ее спецификой является исторический метод и особое внимание к социальному и психологическому аспекту человеческой природы, проявления которой прослеживаются в исторических явлениях и событиях [11, с. 108]. Безусловно, данное определение не является точным, однако, это осознает и сам автор, указывающий, что границы истории с другими науками подвижны [2, с. 74]. В словах М. Блока имеется полемическая направленность в отношении других подходов к пониманию исторической науки. Здесь мы видим критику историко-социологического подхода (в частности, эволюционизма Г. Спенсера и социального реализма Э. Дюркгейма), в рамках которого история рассматривается как процесс социогенеза, где человек, его действия и сознание представляются практически полностью детерминированными воздействием социальной среды – социальным фактором [2, с. 12; 11, с. 54]. Также в оппозиции по отношению к взгляду М. Блока находится концепция классического историзма (Л. Фон Ранке, Ж. Мишле), основанного на формально-логическом отношении к источникам и интересу не к человеку вообще, но к человеку политическому (*homo politicus*) и его производному – общественным институтам, особенно институтам власти [2, с. 17, 108; 11, с. 55–56].

Новаторским взгляд М. Блока был также на причины интереса к истории, который он выводил не из

какой-либо ее прикладной значимости, но из самой сущности человека. Человек стремится узнать и понять прошлое по самой своей природе, поскольку ему это интересно [2, с. 8; 13, с. 403]. Это представление является новым по отношению к классическим взглядам, рассматривающим историю или как *magistra vitae* (Cic. *Deorat.*, II, 9, 36.), которая дает возможность выявить закономерности общественного развития, или как форму интеллектуального досуга, преобразовывающего душу. Обе тенденции имеют долгую историю. Первая восходит к Фукидиду, который писал, что «возможно, отсутствие сказочного сделает повествование менее привлекательным для аудитории, но мне будет достаточно, если его сочтет полезным тот, кто пожелает получить ясное представление о случившихся событиях и тех, идентичных или похожих, которые в том же самом или подобном виде могут произойти по свойству природы человека» (Thuc., I, 22–24. Пер. А.Г. Стратановского). Вторая относится к школе Исократа и Дурида из Самоса, изображавших историю в форме подражания реальным событиям, причем так, чтобы вложенными в уста героев речами оказать воздействие на читателя или слушателя речитации сочинения [3, с. 10–12]. По сути, вплоть до XX в. эти два взгляда, в различной их интерпретации, доминировали в исторической науке. То, что сделал М. Блок, можно было бы назвать «антропологическим поворотом» не только в отношении объекта исследования, но и в его целях [11, с. 95].

Пожалуй, следует сказать также, что одной из главных черт европейской цивилизации является ее расположенность на оси времени. Мировоззрение уже первых ее представителей – древних греков – было во многом исторично. Совершенно неверна интерпретация античного воззрения на время как на некий замкнутый круг, оно гораздо сложнее. Здесь мы всегда видим определенный историзм даже на самых примитивных этапах развития цивилизации. Так, уже у Гомера мы находим представление о движении времени от хаоса хтонических божеств к торжеству олимпийского космоса (укажем, что *κόσμος* значит порядок, упорядоченность движения). У Гесиода и вовсе содержится историческая концепция пяти веков (золотой, серебряный, медный, героический, железный). Совершенно очевидным же историческое воззрение на мир является в трудах первых историков – логографов, собирателей легенд, которые размещали события в хронологическом порядке и рассматривали их как путь от божественного предка к нынешнему гражданскому коллективу полиса [8, с. 90–196].

Но в еще большей степени понимание своего прошлого, которое в свою очередь предопределяет и будущее, стало актуальным после того, как европейская цивилизация стала цивилизацией христианской. Ведь в представлении христианина его жизнь лежит на отрезке, идущем от грехопадения Адама к Страшному Суду и Воскресению. На самом деле историчность во взгляде на мир мы найдем у любого народа, будь то культ предков у китайцев или обращение сибирских шаманов к духам умерших, поскольку человек существует в обществе, постольку он обращен к истории,

так как само существование общества строится на основе передачи опыта в нем [9, с. 40].

Еще более ясно выражена полемическая направленность в определении состояния истории как науки, которое дает М. Блок. Он говорит: «Это наука, переживающая детство, – как все науки, чьим предметом является человеческий дух, этот запоздалый гость в области рационального познания. Или, лучше сказать: состарившаяся, прозябавшая в эмбриональной форме повествования, долго перегруженная вымыслами, еще дольше прикованная к событиям, наиболее непосредственно доступным, как серьезное аналитическое занятие история еще совсем молода. Она силится теперь проникнуть глубже лежащих на поверхности фактов; отдав в прошлом дань соблазнам легенды или риторики, она хочет отказаться от отравы, ныне особенно опасной, от рутины учености и от эмпиризма в обличье здравого смысла. В некоторых важных проблемах своего метода она пока еще только начинает что-то нащупывать» [2, с. 11].

Таким образом, выделяются два момента. Во-первых, это чрезвычайно продолжительная и все еще себя не изжившая связь истории как науки с историей как средством социальной коммуникации, своеобразной сказки о человеке. Причиной этого положения М. Блок называет типичный для большей части историков прошлого подход к источнику, когда он воспринимался как некая данность, а заключающиеся в нем данные о различных сферах жизни общества сплетаются воедино и тем самым диктуют историку сам характер его исследования и создаваемого им нарратива (Там же, с. 51–54). В противовес этому подходу М. Блок вводит «тотальное» понимание истории, при котором акцент ставится на объект исследования – некий исторический феномен и ряд смежных с ним, а источник используется исследователем в связи с его собственными научными интересами [18, с. 211–214]. То есть в источнике выделяется та информация, которая касается определенного исторического феномена, а не сам источник обращает историка к тем или иным событиям или явлениям.

Во-вторых, критике подвергается принцип «классического историзма», выкристаллизовавшийся в историографии XIX в. на волне формирования наций и национальных государств, и обращенный к истории элит и политических институтов, объясняя и оправдывая современное положение в обществе. При этом данный подход зачастую переходил в грубый позитивизм, создавая лишь громадный по своему размеру нарратив (как пример можем привести 17-томную «Историю Франции» Жуль Мишле или 7-томную «Историю Англии» Леопольда фон Ранке), претендующий также на то, чтобы доказать наличие неких непререкаемых законов исторического развития. Однако миф о прогрессе зачастую создавал удивительную контаминацию с попытками модернизации прошлого, которая была вызвана непониманием специфики мировоззрения человека прошлого и характера социальных отношений в древних обществах [2, с. 18, 53]. Одним из наиболее ярких примеров является концепция чередования капитализма, феодализма и рабовладения, проводимая Э. Мейером в его «Истории Древнего мира» [4, с. 617–622]. М. Блок восстает против

этого явления и предлагает будущему поколению историков не только по-другому обратиться к предмету исследования, но и расширить определение этого предмета, включив в него до того практически не затронутые в исторической науке проблемы, например проблему ментальности [2, с. 25].

Все же следует заметить, что М. Блок несколько лукавит, заявляя, что «человеческие факты – по сути своей феномены слишком тонкие, многие из них ускользают от математического измерения. Чтобы хорошо их передать и благодаря этому хорошо понять (ибо можно ли понять до конца то, что не умеешь высказать?), требуется большая чуткость языка, точность оттенков в тоне. Там, где невозможно высчитать, очень важно внушить» (Там же, с. 18). Ведь выходит, что М. Блок пока не решается окончательно порвать с этим положением науки, колеблется в отношении того, следует ли истории если не быть нарративом по сути, то хотя бы пребывать им по форме своего изложения [15, с. 106–107].

Говоря о состоянии исторической науки в целом, историк не мог не обратиться к конкретным ее проблемам, которые, как и у любой другой науки, лежат в первую очередь в области ее методологии. Эти проблемы многочисленны, однако они поддаются группировке, что позволяет рассмотреть их последовательно.

Наиболее фундаментальной проблемой для методологии истории является проблема подхода к изучению источника. Чаще всего историк в своей работе прибегает к источникам письменным, которые есть продукт человеческого сознания, эксплицированный посредством письма [13, с. 401–402, 409]. Однако выражение автором источника своих мыслей в тексте не является прямым отражением сознания автора, оно опосредовано актом преобразования представлений автора в рамки понятий и их письменной фиксации. Тут и встает вопрос, насколько адекватен текст тому, что хотел сказать его автор (конечно, здесь мы пребываем в поле интересов семиотики и герменевтики, но и для историка этот вопрос является далеко не праздным)? Безусловно, никогда совершенно тождественным он оказаться не может, поэтому при изучении источника всегда требуется стремиться узнать историю его создания, ту социальную и этнокультурную среду, к которой относились автор и, конечно, время написания [2, с. 34–38]. Кроме того, что содержание источника всегда связано тем или иным образом с породившей его автора средой, важно и то, каковы источники самого автора, то есть встает вопрос интертекстуальности источника. Был ли автор очевидцем описываемых событий? И если нет, то откуда и от кого он мог получить информацию о них? (Там же, с. 67).

Кроме проблем содержания источника, следует указать на проблемы, связанные с его носителем. Это не только различные формы искажения текста, но и сам факт его наличия. Ведь громадные периоды истории просто не имеют для себя источников, способных дать информацию для их описания. Например, период истории Русских земель вплоть до XIV в. «покрывают» лишь 186 актов. Это положение резко отлично от состояния источниковой базы западноевропейской средневековой истории [6, с. 17; 16, с. 954–955].

Перейдя от судьбы источника к тому, каким образом он поддается изучению, нам следует указать, что любой источник – лишь материал для интерпретации, поскольку он оказывается для историка набором символов. Здесь мы под символами имеем в виду элементы знаковых систем, передающих значение иного знака или их комплекса. Например, обращаясь к археологии, мы не можем рассматривать находку иначе как в контексте той археологической культуры, к которой она относится, то есть материальный предмет обретает смысл постольку, поскольку он вписывается в контекст определенной культуры, давая исследователю возможность понять, что он из себя представлял для ее носителей [1, с. 279–284; 11, с. 115].

Но для этой интерпретации требуется знать контекст, условия существования источника, то есть историк должен дополнить сведения, черпая информацию из массы прочих источников, если они наличествуют, а также восполнить их недостаточность материалами из этнографии, антропологии социологии и прочих смежных дисциплин [14, с. 832–844] и/или проведением регрессивного анализа [2, с. 28, 32].

Кроме того, имеет место проблема изложения принципов исторического исследования и его результатов. В данном случае мы касаемся проблемы научной терминологии, особенностью которой в отношении исторической науки является ее заимствование из прошедших исторических эпох, лишь затем внесенной в научный оборот. Как и любая другая наука, история должна оперировать точной терминологией, имеющей конвенционально принятое среди исследователей значение (Там же, с. 89–91). Однако в этом пункте имеется ряд сложностей. В первую очередь сами термины подвержены изменчивости в связи с изменением социокультурных условий, не сопровождаемых изменениями в языке, или же, наоборот, ситуация, когда изменение термина может быть вызвано лишь причинами, детерминированными лингвистическими предпосылками. К тому же терминология может быть нагружена оценочными коннотациями, что не дает возможности использовать ее для целей объективного научного исследования. Не менее проблемным оказывается перевод терминологии из одной языковой системы в другую, поскольку в каждой из них слова, означающие определенный объект, могут иметь различные дополнительные значения [18, с. 215–218].

Ряд сложностей в рамках исторической науки имеет и хронология, критерии для которой могут быть совершенно различными в зависимости от периода и культурной среды, к которой относится хронологическое измерение. Однако для научного исследования, отмечает М. Блок, требуется введение критерия, способствующего выделению периодов с наиболее интенсивным проявлением изучаемого признака [13, с. 393–394]. В данном случае М. Блок приводит положение, ставшее затем основой для концепции периодов времени, введенной Ф. Броделем [19, с. 725–753], в которой в зависимости от интенсивности и характера воздействия на общество выделяется «короткое», «среднее» и «длинное» время [11, с. 73, 111].

Обращаясь к взглядам М. Блока на более конкретные вопросы методологии истории, следует ука-

зять то, какое деление предлагается для источников. Это намеренные источники, создававшиеся для предполагаемого прочтения их третьими лицами, и непреднамеренные, которые функционируют как часть делового оборота [2, с. 36–39]. Деление на эти два класса источников оказывается практически идентичным с делением на нарративные и документальные источники. Как правило, историки – представители «классического историзма» – предпочитают для использования документальные источники, имеющие определенный формуляр. Однако представление о документальных источниках как о содержащих более достоверные сведения далеко не всегда подтверждается. Относится это не только к тем случаям, когда эти источники оказываются подделкой, поскольку и в подлинном документе могут иметь место подложные сведения, преднамеренные, связанные, например, с интересами соблюдения формальностей написания, и непреднамеренные.

Конечно, нарративному источнику уже по причине своего происхождения и целей написания свойственно умалчивать о ряде событий, интерпретировать и оценивать их в интересах автора. С другой стороны, сам характер построения нарратива дает историку возможность реконструировать мировоззрение автора, его происхождение, датировать текст и узнать цели его написания. Поэтому М. Блок отдает предпочтение нарративному источнику, сообщающему гораздо больший массив информации для реконструкции реалий общества определенной исторической эпохи (Там же, с. 206).

В связи с этим встает вопрос об отношении к источнику, каким образом следует проводить его исследование. Рассматривая данный вопрос, М. Блок формулирует два основных постулата. Историк должен быть объективен, что требует от него отказа от моральных суждений, исходящих из собственных этических позиций по отношению к объекту исследования, то есть ему должно придерживаться некоего агностицизма в отношении критериев морали. Пожалуй, единственно возможной моральной оценкой, наличие которой допустимо в историческом труде, является учет мнений и суждений самих людей эпохи, к которой обращено исследование, что позволяет выявить и рассмотреть восприятие события его современниками на основе их собственных социальных норм (Там же, с. 80–81).

Первостепенной для историка задачей в этом плане является выявление причины события или явления [18, с. 208–212]. Но как замечает М. Блок, причины исторического события следует вводить в некой последовательности, в форме «причинных волн» различного характера: социального, политического, психологического, экологического и т.д. Однако можно заметить, что, если развивать мысль М. Блока последовательно, выявляются две проблемы, на которые историк не дал или, скорее, не успел дать ответа [2, с. 115–121]. Если исследователь постулирует причину для некоего события, не привносит ли он дополнительного смысла в природу исторического явления? Или если вводится определенная причина или группа причин в отношении исторического события, не происходит ли произвольное ограничение круга этих

причин? Данные вопросы остаются нерешенными по сей день.

Кроме общих принципов, М. Блок обращается к более конкретным проблемам методологии. Он определяет принцип психологического анализа [2, с. 65], то есть метод выявления специфических особенностей содержания источника, что является средством разрешения проблемы противоречия сведений двух или более источников. Он применяется в случае, если это противоречие невозможно разрешить посредством внешней критики источника.

Принцип тождественности содержания имеет полемическую заостренность в отношении текстологического принципа «классического историзма», то есть представления о дендрологическом характере развития рукописных списков (филяции). М. Блок указывает на данную проблему, отмечая, что текстологическая традиция бывает как открытой, так и закрытой (Там же, с. 71–74).

В отношении же самих исторических феноменов является важным замечание историка о «случайности» в ходе исторического процесса, которая часто приводит в тупик исследователей. В своем труде М. Блок приводит чрезвычайно яркий пример. Учреждения двух обществ Иисуса (*Clerici apostolici Sancti Hieronymi* – Общество Иисуса, и *Societas Iesu* – Орден иезуитов) двумя святыми из Италии (Джованни Колломбини и Игнатий Лойола), умершими в один день – 31 июля, причем оба ордена были распущены Папами с именем Климент. Совпадение необычное, но оно действительно имело место (Там же, с. 75), и вероятность его происшествия подается математическому вычислению и равняется $-\frac{1}{1\,731\,925}$.

Работа с источниками непременно приводит исследователя к встрече с ложью и подлогами. Особенно богатыми на подобный материал оказываются эпохи, в которые человеческий дух был устремлен не в будущее, но в прошлое, по крайней мере, такого мнения придерживается М. Блок (Там же, с. 47–53). С этим фактом он связывает появление множества фальсификаций в раннем средневековье, например известную подделку VIII в. – Константинов Дар, развенчанную лишь Лоренцо Валла спустя семь столетий. Подобная тенденция типична и для эпохи европейского романтизма, когда писатель, стремящийся возвеличить прошлое своего народа, приписывал свое произведение древнему автору, реальному или вымышленному. Однако стоит заметить, что причина, называемая М. Блоком, является, по-видимому, не единственной. Например, Э. Жильсон объяснял эту тенденцию тем, что средневековые клирики стремились посредством подделки документа восстановить божественный миропорядок, конечно, таким, каким он им представлялся, то есть миром, ведомым Наместником Христа, Папой, к Спасителю и Царству Божию [5, с. 493–510]. То есть это был взгляд скорее не назад, а ввысь.

Эта мифомания типична не только для указанных эпох, ее отголоски встречаются и ныне, особенно в ситуациях экстремальных, когда современные средства коммуникации оказываются разрушенными или недоступными, а общество попадает в условия ано-

мии и власти слухов [2, с. 62]. Но все это лишь элементы глобальной проблемы формальной ложности источников, то есть подлога относительно внешней его стороны: датировки, авторства, целостности (проблема интерполяций), формуляра и т.д.

Не менее значительной проблемой выступает ложность содержательной стороны источника. Вызвана она далеко не всегда прямым умыслом, автор источника с легкостью сам мог оказаться жертвой подлога или неверной интерпретации дошедших до него сведений. Важно также заметить, что обе формы обмана могут выступать как совместно, так и порознь в отношении различных источников [11, с. 85].

В заключение работы следует указать на то значение, которое имеет труд М. Блока. Это и апология развиваемой им и Л. Февром методологии, и манифест для формирующейся в тот период исторической «школы анналов», а также в целом рубеж, маркирующий изменение исторической науки, осуществление «антропологического поворота» и переход к «тотальной истории» [13, с. 423–424]. Однако следует отметить и то, что книга М. Блока в ряде моментов утратила свою ценность за прошедшее время, в первую очередь в связи с «постмодернистским вызовом» и «лингвистическим поворотом» в исторической науке конца XX в. [10, с. 123–128].

Литература

1. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт ; перевод С. Зенкина. – Москва : Академический проект, 2008. – 351 с.
2. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок ; перевод Е. М. Лысенко. – Москва : Наука, 1986. – 254 с.
3. Дуров, В. С. Художественная историография Древнего Рима / В. С. Дуров. – Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского университета, 1993. – 141 с.
4. Ефимов, А. А. Эдуард Мейер о проблеме «феодалного» и «капиталистического» укладов в истории Древнего мира / А. А. Ефимов // Известия ПГПУ им. В.Г. Белинского. – 2012. – № 27. – С. 617–622.
5. Жильсон, Э. Дух средневековой философии / Э. Жильсон ; перевод Г. М. Вдовиной. – Москва : Институт философии, теологии и истории св. Фомы, 2011. – 559 с.
6. Источниковедение / под редакцией А. В. Сиренова, Е. Д. Твердюковой, А. И. Филошкина. – Москва : Юрайт, 2015. – 396 с.
7. Кузеванов, Л. И. Методология исторического познания. Академизм и постмодернизм / Л. И. Кузеванов. – Москва : НЭИ «Российская историография», 2012. – 237 с.
8. Лосев, А. Ф. История античной эстетики / А. Ф. Лосев. – Москва : АСТ, 2000. – Т. 1. – 626 с.
9. Поппер, К. Р. Предположения и опровержения: Рост научного знания / К. Р. Поппер ; перевод А. Л. Никифорова. – Москва, 2008. – 638 с.
10. Рохас, К. А. А. Критический подход к истории французских «Анналов» / К. А. А. Рохас. – Москва : Кругъ, 2006. – С. 123–128.
11. Сарпова, О. В. Философия исторического познания в трудах школы «Анналов» (Франция, 1929–1994) : диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук / Сарпова О. В. – Екатеринбург, 2004. – 162 с.
12. Bryce, L. Marc Bloch: Historian / L. Bryce // French Historical Studies. – 1987. – Vol 15, № 2. – P. 195–207.
13. Furet, F. Beyond the Annales / F. Furet // The Journal of Modern History. – 1983. – Vol. 55, № 3. – P. 389–410.
14. Hill, A. O. Marc Bloch and Comparative History / A. O. Hill, B. H. Jr. Hill // The American Historical Review. – 1980. – Vol. 85, № 4. – P. 828–846.
15. Hutton, P. H. France at the End of History: The Politics of Culture in Contemporary French Historiography / P. H. Hutton // Historical Reflections. – 1997. – Vol. 23, № 2. – P. 105–127.
16. Jones, P. M. Recent Work on French Rural History / P. M. Jones // The Historical Journal. – 2003. – Vol. 46, № 4. – P. 953–961.
17. Schottler, P. After the Deluge: The Impact of the Two World Wars on the Historical Work of Henri Pirenne and Marc Bloch / P. Schottler // Nationalizing the Past. Historians as Nation Builders in Modern Europe / Edited by S. Berger and C. Lorenz. – New York : PALGRAVEMACMILLAN, 2010. – P. 404–426.
18. Sewell, W. H. Jr. Marc Bloch and the Logic of Comparative History / W. H. Jr. Sewell // History and Theory. – 1967. – Vol. 6, № 2. – P. 208–218.
19. Braudel, F. Histoire et sciences sociales: La longue durée / F. Braudel // Annales. Économies, Sociétés, Civilisations. – 1958. – Vol. 13, № 4. – P. 725–753.

R.M. Mazaev

M. BLOCH'S METHODOLOGY OF HISTORY

The article analyses the views of M. Bloch, one of the founders of the Annales school, on the methodology of the historical science. First of all, it deals with M. Bloch's program work «The Apology of History» which presents the main ideas of the historian. It also emphasises the aspects that shaped the methodology of the first generation of the Annales school: cultural history, classical historicism and social history. The article considers M. Bloch's views both on general problems, e.g. the subject and object of the historical science, the objectives to learn history, and particular questions, e.g. the features of historical terminology and chronology, the method of criticism of the source and so on.

M. Bloch, Annales school, anthropological turn, total history, historiography, «the Apology of History».